

СМЕНА

№ 24 (950) ДЕКАБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Новым годом, дорогие читатели!

Гора с человеческим профилем

Природа профиль высекает,
и вот нежарки октябрь,
как струны дыма, он пускает
гусей на гуд — на окоял.

Его свистящие дымные
летят навстречу рыбам.
И мокрый берег с потрохами
принимает одна рыбка.

Иду на погу — нету псыкам,
Сажусь за дело — не идет...
Но мы не встали раз зависим
от мелких аэтов и невагод.

С чьего там светлого почина
окурат радости поглаи
А если радость беспричинна,
то уж не счастье ли она!

Есть спуг, что деньги, как и слова,
вредят нам. Если он не миф,
то я не выживлю, право,
себя счастливыми ощутив.

Кому ни отдыхи, ни сна
от зависти, а мне — покой,
во мне ни светлой, ни высокой,
ни благородной — никак.

Но это не самоодолство,
а озарение: жиму!
Дышу! Гляжу на рыбе войско,
кормящееся на плыву...

В воде — сажа себе обуза,
со дня — всерьез и не шути —
вскочит бledная мелуза,
спешит отшельником свист.

Может неторопливо света,
источник света в пять вечери,
онб старается, как в плену,
обречь, а себе час бесслучей,

что ей отчасти удаётся...
Она наполняет мне
о днез у старого колодца
с вадром, свещащими на дне...

Губастый профиль, старый док,
с духом вадра и сном,
зачем возник я ненадолго
на нашем шарице земном.

Увидимся ли снова где-там...
Но навсегда средь зимы лиц
во это — дышащее светом
и выдыхающее тпич.

На этом развороте — стихи молодых поэтов, которые впервые, в самом начале пути, заочелались к «Снегу». До сих пор читатели пишут мне о лобзках Галицы, Гамлер и Нины Треховой. Интересуются судьбой Николая Кокина. Спрашивают, скоро ли выйдет книжка Бориса Аверстова...

Многие сейчас уже плавно, почти нечувствуя, в «Снеге». О «первого знакомства с поэтом» в первой книжке — так много было бы сказать эту лобзку. У Галицы Гамлер книжка уже вышла. Готовятся к изданию в «Советском писателе» и «Молодой гвардии» сборники стихов А. Лейкина, Ю. Смирнова, Ю. Рыжичкина. Мы радуемся встрече с читателями, что открытие «Снегой» новых имен оказалось плодотворным. Каждый из этих поэтов по-своему талантлив и своеобразен.

РИММА КАЗАКОВА

ЮРИЙ СМЕРНОВ

Снегопад

Что это? Что это!
Что снег за окном.
Кто это, кто это
В этом снеге ночном!

Это всадники скачут
На хмарных конях
Клопы ибы летают
На мой водокожник...

Это гербы сводят
По озерам Палладию.

И в косичках во,
Словно бобоши, баянники...

Это трактор трезвыми
Летят лесовозы,
Пробиваясь к тапу
Через зинко гроссы...

Я спросил у тебя:
«Что там — в небе ночном!»
Та ответила мне:
«Снег идет за окном».

Сыновьям

Над сосной звезда качается.
Ближе к дому жидется сад.
Ночь на свете начинается,
На мансарде дети спят.

Душно им в нагретой комнате,
Огнелись плечи.
Снятся им, наверно, юности
Мил кто-нибудь еще...

Завезено на веранде,
Простула гтяжелевось.
Грохот, словно по команде,
Огнелись дальний лес.

Завтра будем лун со стралами,
Встав пораньше, мастерить.
Сыновья должны быть смелыми.
Пригодится, может быть.

Идет военная игра,
Бежит вперед, кричим «ура».
Но это после. До момента,
Когда кричу я на бегу,
Спервыми двадцать три студента
На залитом лежат луку.
Перед рассветом генерал
С привычкой выправкой военной,
Одной рукой брегет достал
Со звоном, точности отменной.
Другой рукою он мазнул
И ход событий повернул.
Ракета вспыхнула, погасла,
Шлеп, как огонь, полавший в масло.
Тут приключилась канонада,

Граница

В крови не глухие удары,
Иль свистится дальний набат,
Читаю взад-вперед мемуары
Поэтов, писов и солдат.

Умственно граничим с палком
Периделью края войны.
Как признаю, над прахом и полком
Обугленный старень сосны.

А ныне царит околонец
На стрелках торца площадки.
Обычно жизни тенью
Влечет и волнует людей.

Но мир не спокоен на деле,
Локаторы шипуют высь.
Границы — как раны на теле,
Как будто бы швы разошлись.

Колесит связь земных пород,
И мощные звуков колонида
Собой подлера небосвод!
Во мне семаный поесс чет,
Вперед мечу я взрыпаюет,
...Читатель малоскушенный
Не представляет сей ширль
Салитрой туту манюнный,
Тант в себе он грам и сырэд,
Противник отступил поспешно,
И, вероятно, потому
Мы продвинулись так успешно.
Как только мыслится уму,
Мы вперед. Кричим «ура».
Пока все это лишь игра.

Истопник

Ночью в сельском клубе.
Жара вползает, зима —
это в котельной истопник
старается для меня.
Это мой новый друг — истопник.
Срок нашей дружбы нехал.
Он мне целый вечер душу свою
матушюую
открывал.
И я нашен в ней отгаду, и боль,
и гнев, и любовь, и страсть...
По сыплой земле тащился январь

на сымет своих востр.
На маленькой сцене,
гда не играть такостр. трасты нинкою,
душу свою отрывал человек,
отрывал — отрывал одному.
И в его полове.
Белся пыльной
стучалась метель в стекло.
И вот он теперь, чем умеет —
жарой,—
платит мне
за тепло.

БОРИС АВСАРАГОВ

Простота

Во мне таится простота.
Тысячелетиям таится.
Она бонитс,
словно птица,
свистеть с присвета
в холода.
Она старается выжить к людям,
любовь очерет краплелью сцене,
Нак откровения и кругла
звезд,
очерченная кловом!

Возвращение

Мы люди.
Мы явнее посмертно.
И обитавно живем.
Нам присуждается посмертно
не то,
что связано с жизнью.
Но, прерывая эту связь,
и отделился от жилища,
становимся
мудрей и чище,
по современности тряссы.
И вот, продукты
а пространство,
принимуте бытнем,
мы, возвращаемся — безстрастно...
Им вскринит
материнский дом,
Дом безымянный,
Светлый дом.

Все к югу, к югу без оглядки,
Дрова знамялая везешь.
Ходы потрескались, как пятаки
От слишком долгого пути.

Огарки резанули по сердцу
Так иголки, так поперек!
Вот-вот надтреснет и поохосит
Мой настил слаженный широк.

Развалится по всем скрепленным
До досточки, до черенка.
И я в предчувствии крушеья,
Как бы в предчувствии прыжка.
Ах, небо! Ты опять мне сонясь-ся,
Ты мне не силичи столько лет!
А небо ранено птицей
Волочит крылья по земле.

Что рыболову без улова,
Я это море не прощу!
Что море мне— мне кутное слово:
И не купаюсь — я иду.

Моя свивает с толку птица
И исчезает вдаль.
И мне опять, в сравнении бытия,
Как вашей рыбе на крючке.

Николай КОНЕВ

Говорить надоело казенно...

На привычные темы говорить
надоело казенно,
И неярко звучит: «инженертика,
атомный век,
из весеннего леса капризно
блещет дозенок,
и беззаучен его одинокий бег.
В оная атомных станций легко
уместились герани,
луг застроили густо. Он бесследно
исчез...

Не хватает любви и камих-то
особых гарантий,
чтоб, как лучшее чувства, сохранить
исчезающий лес,
козленок в лесу, как ребенок
с веселым капризом,
сплываешь небо в лесу на
колених стволов,
и весенний воздух лесов
ощутно пронзан
тем, что высказать нет уже слов.
Что-то важное выскажут северу
птицы базарь,
что-то скажет цветок нам, пока
не исчез,
но ничто нам не скажут слова
пестрыми трюкотом тарь,
что могли бы вместишь то, чем
полнится век.

Потому и не хочется говорить
о привычном казенно,
потому и становится важным,
как дар,
выразительно скачущий дикий
козленок,
говорящий о многом на севере
птичий базарь.

Владимир ЛЕОНИВИЧ

На Первой Брестской

Я это дерево давно приметил,
и часто, проходя по Первой
Брестской,
я останавливался, чтоб его
поглядеть по коре суровой, просто
подумать...

Так нам подружились, но
оно росло, кренясь на мостовую.
Железная природа постаралась:
как будто ревматизмом были вздуты
и вывернуты темные стволы,
а выжили веткой, изломанной жк
о драмат бытия кричали листво —
и если бы не свежая листва,
свивая при каждом солнце,
при каждом дожде,
он выглядел бы мрачным,
мой деревянный и молчаливый друг.

Кренилось дерево, далеко
отстраняясь
от каменной стены, и это крен
изобличал характер дерева
и говорил про корин дерева.
Надежною была архитектура
корней, тяжелой кроне и ствола.
Как будто конь Петров над камнем,
низко
над улицей оно нависло.
— Ты хочешь прыгнуть дерево! —
я спрашиваю его.

— Ты хочешь прыгнуть, —
я отвечал, — ты подожди...
Когда-то
от глупых пуговцеглазых коз
был нахвачен и правой стволон
оградкой взят, цилиндриком
железным.

Потом цилиндриком этот покосился
стволом двадцатипятилетней силой,
потом облет тридцатипятилетий ствол
рубашкой тесной, душной,
а потом
третью своим обручальным мягко
вошел в кору, местами угловая
в податливом древесном теле.
Так уютное обручальное кольцо
с годами в пальце женщины.
Тройное, тройное обручальное кольцо
то дерево несло. Два разошлись,
растались — ни выдержала клепка,
а третью угнотуло так глубоко,
что и не видно, цело ли оно,
столь ревностное в службе удущенья.
Уживая, на стволе висит оградка,
как старье похмелья. Без вонючьих
на них главу а. Верхнее кольцо
еще, быть может, тунится, хлопочет...
Его порвет, я знаю, иль размоет
неуротично восходящий ток.
А разорвет или размоет —
какая разница!

Мальчики революции

Суровы, правдивы,
светлы и добасты —
на вас эта мета
особенной касты.

Невольники истинны,
вечные дети
идеи... Без вас
потемнеет на свете.

Вы соль у земли,
вы горящего лучи.
Вы голые соль —
это горько и жгуче.

Вы — напоминание
старинной святости,
как предко, как завтра,
свещающиеся ином.

Кузнец поклялся распрямить
живую линию кривую,
Он стал в огне ее калить,
он брал кувалду, торжествуя...

Но, раскалившись добела,
она, кривая, не могла
и не умела распрямиться,
и ей осталось раздробиться.

И майка ее частичка
была, как солнышко, круглая —
и был ином не могла.

Нина ГРЕХОВА

Ты любовь свою разделишь на
два дома —
в каждом доме и тепло и благодать
а как выглянешь в окно,
так над водою
ни звания, ни рассвета не видеть.
Говорят, она осталась в доме третьем,
и нельзя тебе забыть никак.
Может, это ты ее сегодня встретил,
разминулся на калиновых мостках.

И прошла она, прямая, как по плахе,
по середине,
не левой и не правой,
а глаза ее, как пойманные птицы,
посмотрели тяжело из-под бровей...
И исчезло все,
и небу их поныне —
и двадцатые и отныне века
только ветер ходит запахом полыни
по цветам ее лазорева платка...

Пролетарин всех стран, соединяйтесь!

Год издания сорок третий

СМЕНА 24

[950]

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Выходит два раза в месяц

ДЕКАБРЬ 1966

МОЛОВО И „СТЫД“

Э. ЧЕРЕПАХОВА

Фото А. ЛЕХУСА

Три раза ездил Костя Федоров в большой город за удачей и три раза возвращался ни с чем: в институт не приняли, на завод — с обещанием тоже, оказалось, устроиться не просто. Был он небойкий, молчаливый парень, где же ему... Вот и вернулся, прова материн оренбургский платок, проданный перед последней Костиной попыткой, вернулся угрюмый и голодный, с твердым решением никогда больше с места не двигаться. Решил так из-за матери, больной и одинокой, а то мог бы с вербованными податься или по комсомольской путевке — в дальние места.

Мать в тот же вечер плакала у соседки Галины Андреевны, и Галина Андреевна сказала:

— А пусть-ка у нас послужит... Салон мы отрохали — во! На всю область... Секретер райкома на открытии стригся... Представляешь? Правда, просил, чтобы без фантази, просто воспроизвести старый вариант...

— Да разве это мужское дело? Я все мечтала: на инженера или там врача выучится, — ответила мать — Нет, он не согласится, он у меня, знаешь, какой характерный!

Костя и правда ответил матери с горечью:

— Служить бы рад, прислуживаться тошно... Нет, мама, в каком я не пойду, крутиться возле каждого, капризам угождать, что я, чокнутый? Вон на станции грузчики требуются — пойду туда.

Мать подумала о тяжелой, грязной работе, о сутулых, грузных, матерящихся грузчиках, о привокзальном буфете, где они, верно, околачивались каждую свободную минуту, и снова заплакала. Парикмахерская казалась ей более чистым и безопасным местом для мальчика, но внутренне она гордилась мужественным решением сына.

— Да меня тут ребята засмеют, если я в этот чертов салон... — совравшись, крикнул Костя.

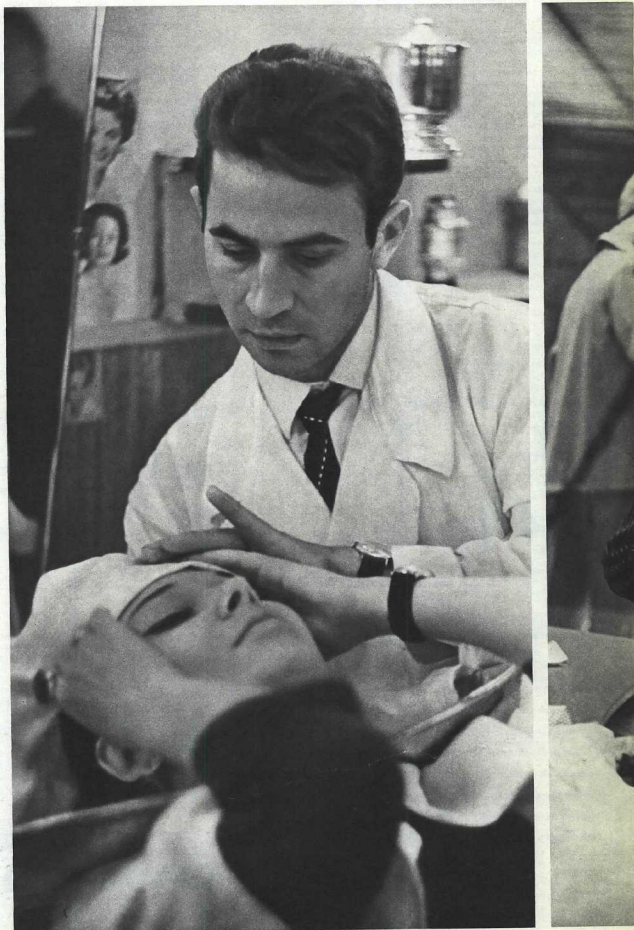
Но тут Галина Андреевна с расквашенными щеками и блестящими глазами ворвалась из коридора в комнату Федоровых:

— Значит, я лажейка, по-вашему? Лажейка! Хорошо вы, Татьяна Яковлевна, сына воспитали...

«Профессор» парикмахерского дела Валерий Юмашев во время «операции».

Третий год работает комсомолка Надежда Пластик в отделе декоративных тканей универсага «Москва».

Один из самых молодых метрдотелей Москвы — Валентин Охлопкин.

НОИ" ПРОЦЕССИИ

А разве это Татьяна Яковлевна? Одна только она?

Я в ту пору, как на грех, сидела в гостях у Галины Андреевны, и меня втянули в спор, грозивший перейти в перепалку. Галина Андреевна отставила даже чайник, из которого собиралась мне налить чаю, и требовала немедленного третейского суда. Я стала говорить, что всякий труд почетен и что у нас уважают людей любой профессии — и то и се... Но тут Костина мать спросила меня в лоб: — А своего сына отдали бы вы в парикмахеры?

Я подумала-подумала и сообразила, что не знаю.

Словом, Коста пошел на станцию: «круглое кати, плоское тати». Труд этот грубый, требующий физической выносливости и сноровки, но навыков не квалификации и образования. Считалось, что это временно.

Вот тогда я и стала задумываться: как же так! На парикмахеров сейчас в специальных училищах учат, экзамены принимают, разряды присваивают и повышают, конкурсы там разные, обмен опытом с заграницей — ставленные салоны, бальные халявы, как в НИИ, приборы разные и адруг: «Засмеют люди... лайкство»... А грузчиком ничего, нормально... Почему!

Вспомнила я недавно сменовскую анкету для выпускников: «Без чего хочешь стать, когда кончишь школу?» Сотни ответов. Каких только профессий не назвали: физик, математик, юрист, педагог, астроном и даже егеря... Но ни один не связал в мечтах своего будущего с парикмахерской, рестораном, химической. Странно: профессии второго сорта.

Впрочем, одно письмо было — из города Барабинска. Прислала его Люба Повареннико. Написала так: «Меня почему-то заинтересовала работа повара. Я много картин рисовала перед своим воображением, как я работаю поваром, плюс к этому романтичность и совпадение с фамилией... И я поступила работать учеником повара. И — разочарование. Совсем, оказалось, не так радужно в жизни, как ты ее разукрашиваешь в мыслях. В итоге... Я хочу поступать учиться в Институт геодезии и картографии, жить настоящей, интересной жизнью».

Итак, о профессии повара девушка упоминает стадиано, чуть не оправдываясь... «Почему-то рашила. Настоящая, интересная жизнь лежит, по моему мнению, где-то очень далеко от той сферы, с которой чуть было по оплошности не связала свою судьбу. Существует прочное мнение, что эта сфера для тех, у кого нет «сверхъестественных планов» или не обнаружено талантов, и вообще — для любителей легкой жизни. Принадлежать к касте «бытовиков» непочетно — вот и весь сквз. Да что непочетно — стадиновато. Особенно не в большом городе, где легко затеряться, найти работу в «чужом районе», а в малых городках, где ты на виду у знакомых и соседей. Мода на профессии — это не мода на шляпки. Тут ничего придумали не объяснишь. Тут под волнами мнений, споров, вкусов процветает железный фундамент сложившейся экономики.

Наша экономика в силу многих причин складывалась до недавних пор таким образом, что накопления, адресованные, если можно так выразиться, отраслям, производящим предметы потребления, и сфере услуг, туда попадали чрезвычайно урезанными. Тяжелая промышленность была средоточием финансовых, физических и нравственных усилий.

Да, было время искренного аске-

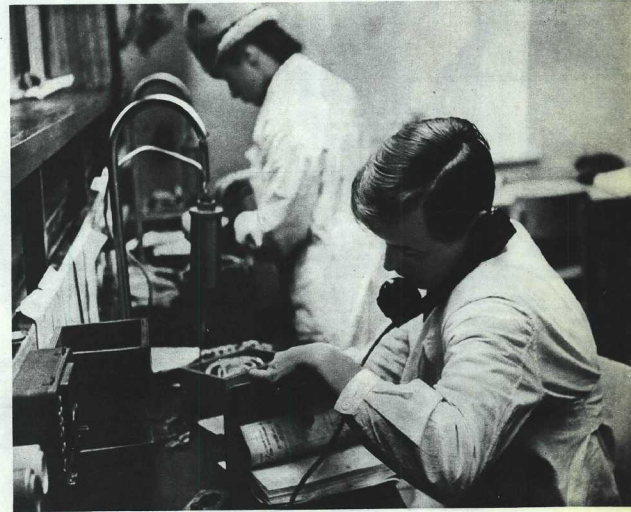

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Тогда он успокоился и сказал:

— Войдем в мое положение. Ни метра свободной площади. Я вошел. Выгородил этому Гриню площадку. И вот вам благодарность: уходит от Ленчика жена. От железного, многого парня. А ведь я мог, мог это предостеречь. Нет, я не забуду тот разговор с Гринем. Ведь все можно было решить тогда, будь я не таким ролей. Ладно. Что же все-таки творится в этом людном мире? Все думали, что Ленчик и Галка—это поменьшей мере слава. И все радовались: хорошая пара, черт возьми. Не так часто встретишь. Я же не только радовался. Я даже завидовал Ленчику: его любит такая женщина!

Она очень прямая, Галка. Не по-злему прямая. А так, человечно. Выломит все, что о тебе думает, и улыбнется. Ну, краснеет, само собой. И добрая. В общем, женщина, от одного взгляда которой робеешь. И в отделе-то на нее не наблюдают: Галочка, Галочка. Одним словом, человек, у которого нет врагов. И что же! Уходит от мужа. Попробуй тут разобрись. Итэй, еще раз Ленчик.

Ну, во-первых, собственная машина. «Москвич» последней марки. Не пьет, не курит. Любимец отдела. Уважают. Голова. Организован. Пунктуален. Собран. Строг к себе и товарищам. Вроде бы я характеристику строю или рекомендую. Вот же он, Ленчик. Лучезарная улыбка. Ровный ряд белых зубов. Русые волосы: Сингапурская куртка, узкие брюки в стрелку. Под курткой свитер. Ботинки — толстая подошва. Теплые носки. Что-то спортивное. Говорю ему:

— Ленчик, ты, как космонавт.

— Угу, слыжу эпохи,— улыбнется. Ему, правда, нравится, когда говорят, что он чем-то смазывает не космонавт. Он вообще умеет здорово одеваться. Мужичина. Бесценный дар. Немного коробит. Впрочем, и на солнце пятна... А сейчас как держится. Гордыня. Ни одного слова. А может, врут все. И Чернецкий врут. Надо поговорить. Лично.

Конец сменя. Иду. Кульманы, кульманы... Спят глаза, как от снага. Смотрю ему в лицо. Туслов ч, как ни странно, выразительное.

«Точно: молва, как репей, в ладонь не зажмешь»,— думаю. Чтоб никто не слышал, шепчу:

— Пойдем, старик, посидим.

— Вслух говорю специально громко, на весь отдел:

Идем. Сидим за столиком в кафе «Юту». Это рядом с заводом, квартал

обогнуть. Еще рано, есть свободные столики. Ленчик знает, о чем будет разговор. Завязывает два лива. Я морщусь. Нет, я понимаю: Ленчик трезвенник, железо. И все-таки говорю:

— По коньяку?

Качает головой, кривит губы. Черт с тобой. Как хочешь. Себе я беру коньяк.

Вообще я не умею пить. Не то, чтобы быстро пьянею, а так: все понимаю, только неточно выражаю свои мысли. Но сегодня я абсолютно трезв. Голова будто провентилирована. Ленчик молча тянет лива. Чувствую,

обойдусь без навещающих вопросов. Ленчик, как почка, готовая взорваться.

- Понятно, трудно Ленчику. Я бездарно приключившись:— Хочешь совет? Уйди от нее сам. Как мужчина.
- Не могу. Уйду, ты знаешь? Уйду, ты знаешь, а уйти не могу.
- Ну, хорошо. А Гринь это, чем он ее очаровал?
- Не знаю.
- Что она все-таки говорит?

— Что об этом знает? Я сам думаю, чем ей явдур не угодишь. Все-таки два авторских свидетельства... Машу, думаю, для себя завел. Для нее я человек, знаете сами, степенный.— Ленчик улыбнулся, отлепившись.

— Послушай, брось ты вытывать. Мы же одноднюги. — Начальство надо увести.— Ленчик засмеялся, прозявал независимостью.— Ей же, в общем, полная свобода. Хочешь на юг — поехали на юг. Хочешь новые шпильки — на тебе новые шпильки. Не сквердишь. Все, как должно, как положено. И она обо мне забывается. Каждый день свежа, сорочка. Чем ей знаешь. Вы поговорите с ней. А! Она вас уважает. Скажите, что она заблудилась. Ну, в самом деле, что ей это Гринь... Я уж не знаю, какую по счету тыню ярую боюсь, что ослышно. Никакого ому! По спине почему-то пробегает неприятный холодок. Я говорю о му! — Ленчик, будь мужичком. Ну, возьми выннх кто-нибудь очень мучительное. Ну, завербуешь и укажи куда-нибудь на лыдину. Ну, в область вечной мерзлоты. Поживи там в общину с медведями. Или порежь себя на варяжских работах. Ну, понимашь, что-нибудь такое сделай, чтобы зановосовать все и начать заново. Ленчик кивнул героическому.

— Ленчик отивает еще один глоток, смотрит на меня с улыбкой. Господи, а для чего сейчас какой-то шифрофинан. Вот, пожалуйста: — Что вы это Эво у вас от одинокой жизни. Зря вы все обожествляете. Ону же все в общину по-однодневно. Просто каждой нулеу элементарно порядочная жизнь. И все.

— Я понимаю, Ленчик зоп. Обида и все такое. Но зачем так цинично? Я чувствую, как во мне пробуждается злость. Но я невероятно сдержан. Я этого его умоляю: — Не надо, Ленчик. Я же верю, ты же безумно любишь. Тебе же и вправду без него тяжело. — Я завтаюсь за последнюю соломинку: — Слушай, ну, а с Гринем ты так и не говориш, ну хоть раз дайнуть ому в морду! У тебя же дочь, Оленька, такая милая девочка. Как она без тебя?

— О, это странный тип! Я говорил с ним давно еще, когда понял, что он за Галиной прудерать начал. Как-то и не так горючо — усмехнулся Ленчик. После третьей кружки он, видимо, начал пьянеть.— Откровенно поговорили. Я ему прямо, по-мужски. Тебе, что, других не хватает? Зачем семейных трогать? Да и не пойду она к тебе, Галина. Совсем помять не буду. И вообще не надо для него. Все у него, ничего при себе нет. Любая другая не будет. Ленчик, Галина. Бить-то его за что? Просто покажь. Я и бить-то не могу. Неприятелю жентю.

— А что, я бы зашел. — Это я, бы зашел. — Это я, бы зашел. — Это я, бы зашел. — Это я, бы зашел.

— Я сижу и смотрю Ленчику в глаза. Черт возьми, Ленчик, какой ты богатый человек! И это еще должен угасривать Ленчика, такого правильного человека!... А может, мне поговорить с Галикой? Почему-то я перебарываюсь на Грина. Тихон Гринь. Я же с ним говорил месяца два назад. Когда у Ленчика с Галикой первая ссора случилась, Изза Грина. Чертовыи тогда Ленчик и поговаривал: надо сбегать молодую семью. Я думал иначе: Ленчика в обиду не дам. Поговорили, когда отдал опустел. Я зашел к Грину за перегородку. Закуток. В два окна вырываются красные блики заната, заивают алысто тиски вагиана. Гринь сидел на табуретке, держал в руках книгу. Думал. Я посмотрел на вагиан.

— Густо, старик. Смотри, черк ханозак. Эскиватор, трубы, земля, люди, велосипеды. Это в одном куске. Паоис, никакого порядка. — Правильно. Я же не математик. — Думешь, кому-нибудь нужна эта мазия?

— Не знаю, мне нужна. — Я смотрю на его согнутую спину, затюлок с двумя амудшими, с торчащими вырком. Чудной породы. Ведь будь здесь всею ночь сидеть. Техника Феша каждый день жалется: Гринь убирать помешение. Ашан. И что ему надо? Зарплата на краску удуток, грунты, холсты. Ну, вывети сабуриривать. Не жалко. Может же больше денег зашибеть. Столько заказов! Не берет. Сидит над этим своим чеплом. Ну, что это? Железо — ключоукий вырлет, извержение красок? А тишина — застывшая лава? Для чего все это? Куда? На выставку? А купит кто? А костюмов-то у него всего два. Второго на торжественные случаи. Заком предломини галериво оформит. Портреты в руках отвлелся. Показал адрес: фотографы. Но плакаты выставил, улыбался. На каждом ладно одна и та же женщина. Никакой фантазии. То с цветами, то с циркулем, то с книгой, то просто в купальнике на водном просторе. Трудь, учеба, отды. Все ясно как день. Выплетливо отпично и нимкого загадочно: одна и та же женщина... — Долго я смотрел на него в тот вечер. Потом подивнул стул, сел рядом.

— Послушай, Гринь. Ты же знаешь, зачем я тебе зашел? — Зря, старик, все это затевашь. Галка, она не из той породы, понимашь? — Понимаю. — Ленчик, он человек правильный, надежный. А ты? Ну зачем ты ей? Будешь, а сижу и готово провалиться сквозь землю. Несу какую-то чушь. Стыд. Думай, приструню его, и все. И все разговор. А тут язык липнет к небу, ничего путного сказать не могу.

— Начеши мне осеиват: — Есть народная мудрость: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Так Галка — это журавль. Не для тебя. Только зря мучиться будешь. Подумай, на что себя обрекаешь.

Пот градусом катится у меня со лба. И кто это придумал, что начальнику должен непременно выникать в жизнь своих подчиненных? Я же только все порчу. Гринь долго молчал, потом смотрит на меня своими синими предлопидерными глазами и стальной хитростью неуверенности и тоски, что мне даже становится его жалко. Потом он говорит: — Конечно. Журавль в небе. Я знаю. Но мне ничего другого не надо. В жизни и вообще... — Черт возьми, как же надо побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто. — Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто. — Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

— Все это я вспоминаю, глядя на Ленчика. Правильного парня с грустными глазами, ставшая побойться. Чувствовал себя своим сверкающим чело-вечком. Гринь долго не мог в глаза смотреть. Может, поэтому у его и недолюбливал? Не знаю. Но у журавля и синице я стал думать чаще, применительно к самому себе. Потом было все заткнуто.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ»

Москва. Академия наук СССР. Президенту академику М. В. Келдышу.

В 8 часов московского времени произведен уникальный взрыв, обрезающий небросную плотину более расчетной высотой — 60—65 метров. Все расчеты по взрыву благоприятно превзойдены. Ни одно сооружение города и урочища Мерго не пострадало, не было ни одного неприятного случая. Если даже не продолжать строительных работ, плотина защитила город минимум на 50 лет. Поздравляю Вас с торжеством советской науки.

Академик Мельников.

Алма-Ата, 21 октября 1966 г.»

**БОЛЬШОЙ
ВЗРЫВ**

Фото В. МИШИНА

За несколько минут до указанного в телефrame времени мы добрались до вершины Ион-Тюбе и, торопливо наводя объективы, приориализовались, угадывали расщелину в горах — где понаместся взрыв. Кинодокументалист, установлен в джипованной бескарне магнитофоны, брал у находящихсся тут на взрывнинов интервью. Речь шла о селевых потоках, о предстоящем взрыве... Нам известно, сель — это

Бурный грязе-каменный поток. Горные ливни и снеготалина, уклоны, наличие летню снежкового покрова — вот составные этого грозного наводка. Давиды — в 1841 и 1921 годах — сель обрушился на Алма-Ату. Второй набег был опустошающим. Снего дие-сноильно сот домов, погибли люди, объём каменного материала, вынесенного потоком, был полтора миллиона кубометров, вес — три миллиона тонн. Многие помнят трагическое событие 1963

Взрыв в течение нескольких секунд перегородил ущелье плотиной.

года, когда сель в несколько минут уничтожил озеро Иссык, выплеснув из него воду, как из лопыи... Поток увес жизни людей, хотя и обошел в этот раз горой стороной. Но угроза селевых нападений на Алма-Ату еще не была предотвращена. Ее предотвало предотвратит плотина, которая будет построена сегодня уникаль-ным взрывом на неброс.

...Взрывники рассказывали: — Почему понадобилось строить плотину взрывом!

СМЕНА 13

Англия. Вода пробрала брешь в плотине. Пришлось соорудить второй вал в виде дуги.

Молчалив поток перевернул судно, стоявшее в одном из англйских доков.

Да потому, что при обычном строительстве это заняло бы десять лет. Причем при сложном рельефе местности эффективность работы экскаваторов, самосвалов и другой техники была бы весьма низкой. Кроме того, сель ждять не будет — максимум, соннет...

— Сая взрыв — игновое, мы знаем, как мы управляет. Потому и называем направлением. Тут дело во взаимодействии зарядов...

Эти спокойные слова ворвались в считанные минуты до взрыва. Планшет внезапно подсказала другой день, другой взрыв. Вспомнилось прочитанное в романе «Далеко от Москвы», когда все сошлось на одно: как пролонгить нефтьпровод через замерзший провал? Старый инженер Тополов предлоил рубить лунки, спустить в них мешки с анималом — зарады, упомянутые в лиино на дне, должны были с равной силой ударить в толщу воды и льда и вниз, в землю, чтобы расечь на дне травице. Перед взрывом Тополов признался взрывам: «Возом нандрой микой. Сколько взрывов прова в жизни, но так и не привык и ине. А, сегодня взрыв обобенный: либо руку покетте Тополову, либо сдайте его в архив...»

Но это — в романе. А здесь, в горах над Алма-Атой, настроение людей перед взрывом было совсем иным. Да и в самом городе все шло своим чередом. Сине меденные машины поладили улочный асфальт. В 10 часов утра по местному времени продолжил начавшуюся накануне работу съезд архитекторов Казахстана. В восточной гостинице толпились командированные. И лишь иногда стремительные «Волги» и «Газики» с красной полосой пропуски на моторовом щелье мчались за город — до зоны минной станции.

Проект селазыцы города методом взрыва консультировали крупнейшие ученые — Н. В. Мельников, М. А. Лаврентьев, М. А. Садысский, И. П. Герасимов, Г. И. Покровский... Сюда прибыли лучшие взрывники страны — только трест «Союзвзрывпром» прислал

60 инженеров и 130 взрывников. Один из них, Виктор Маркелов, начальник участка в поселке Сельдер, Калининской области, плотный, ирланди, в глубоко надвинутом беретте человек, приехал в Алма-Ату, когда казахстанские спецнасты завершили тяжелую работу — проходку шtolен. Теперь он стол с нами на Ком-Юба, рассказывал, что сразу после родовым взрывником — взрыв уникальный, хотел все попробовать своими руками...

Смотрю вот на гору и думаю: а ты и не знаешь, сколько в тебе тротила на-таскали и как это как делалось...

Чтобы ничего не упустить, Виктор завел дневник. В дневнике — о многом. Как приехали. Как в злойном степном местечке Или перегрузили желто-чешуйчатый тротил из ящиков в дровяные мешки. Каждый ящик — 30—40 килограммов, самых ящиков больше сотни тысяч. В трудную минуту что-то подумал: «Такие ребята, да что гору не свернуть!» В сизааном был не переносимый, а прямой, бубальный смысл. Возник тротил за 120 километров в Медво, разгрузили у шtolен, вагончиками доставляли в зарядные камеры, носили — в укладку. Полагали сарьмату из шлангов, усморя ядровую палку...

В дневнике Маркелова много технических тонностей. Но онито и объяснили это веском, уверенно спойствовали. К нам подошел напарник Маркелова по работе в главной шtolе — казалеуин Илья Рылов. Спросил — Иветет — и показал на прищипке в безветриной горе — Снорд работает. И успел рассказать, как они с Маркеловым поначалу по два мешка в значачки с вагонетом брали. А потом — по одному. Камера здоровенная, надо было прикрепить лестницу подниматься, чтоб уложит мешком на мешок.

...И вот на главной станции были накрыты мешками сред гору. Мешки, с огненными сполохами взрыв на секунду возвысил сред гору. Снордского Алатау, и беззвучно, вываз еда заметный на

Извержение Везувия.

Кон-Тубе толком, подила и направила сидальную породу в ущелье. Нарядом нетороно не сизалл.
— Ну вот. С селевым потоком справились. Теперь бы еще с землетрясениями да вулканами...
Он инену, словно помогая, зряму завершил, за данную работу, и потер руйн.

Нтихийные бедствия — ураганы, пожары, наводнения, извержения вулканов, землетрясения, селевые потоки — преследуют людей. Если даже ограничить разговор рамками 1966 года, то придется привести длинный печальный список.

— Тайфун «Ида», достигнув берегов Японии, оставил 197 убитых, 123 пропавших без вести, свыше 800 раненых... При извержении вулкана на индонезийском острове Сангах погибло 39 человек, более 13 тысяч осталось без крова... От наводнения на северо-востоке Индии пострадали 3 миллиона людей, ущерб, нанесенный урожаю, — 12 миллионов долларов стерлингов... В Пакистане наводнение уничтожило огромные площади посева, на Цейлоне — снесло тысячи домов, разрушило дороги, линии электропередач... Тяжелые стихийные бедствия постигли Австралию, Лос-Анджелес, Монголию.

Вот одно из последних сообщений. Лишь за один день ноября в результате наводнения, обвала и оползней Италия понесла больше материальных убытков, чем за всю прошлую зиму! Момментарный даже при меньших напавших природы население несет громадные урон, причина — в неадекватности итальянских городов и зданий к бедствиям, ибо капитальные вложения ничтожно малы. Например, на Урочище раскопки на гражданское строительство по статье «ведь борьба со стихиями» — восточным знаменитые голландские дамбы, много лет защищающие страну от наводнения — требуют колоссальных ассигнований.

Трагедийная статистика 1966 года не обошла и нашу страну. Неогордское... Землетрясение в Ташкенте...

Наука еще не может предсказать землетрясений, но сила подземных толчков в Ташкенте соответствовала данным науки сейсмической районирования, составленного недавно учеными. Принимаются меры, чтобы нейтрализовать силу возможных новых ударов. Сданный в эксплуатацию 5-этажный дом на антисейсмической подушке уже выдержал самый сильный толчок и все последующие колебания почвы.

Забывшая летою таинские пожары в Западной Сибири. Специальные службы многие сделали, чтобы локализовать бедствие, свести его до минимума.
В Ангаре обсуждался проект нового микрорайона. Его улицы рассчитаны так, чтобы ураган не сбивал с ног пешеходов, предусматривается сооружение галерей, по которым, не выходя на улицу, можно попасть в магазин, школу, автобусный павильон.

Забвские волны — цунами, обрушившие ночью 19 октября на Курильские острова, не вызвали жертв и серьезных разрушений. Службы предупреждения СССР, США, Японии после регистрации сильного землетрясения в районе Атаманской губоювосточной впадины у берегов Перу стали наблюдать за колебаниями уровня Тихого океана. Как предположение об образовании цунами подтвердилось, были определены направление и скорость волны, и по тревоге жители Кури подылись на возвышенности... Так было почти добротство стихии 1966 года. Одной из бедствий 1971 года над северной платиной в Урочище Медве, которую зовут Большей Волны.

Зря давно союзник в атоме и в атомной энергетической работе. Он применяется в горном деле и металлургии, лесном и водном хозяйстве, при прокладке судов в арктических условиях, сейсмо-

разведках, торпедировании нефтяных скважин... И широко — в строительстве.

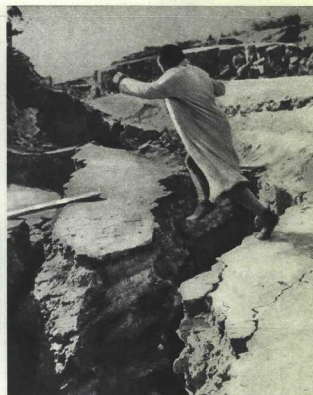
Когда ученые комментировали результаты взрыва в Медве, отмечалось, что стихийные взрывы нельзя было бы построить прочную плотину, способную воспринимать мощные удары образцованных потоков и образцованных огромных свежихришце, которые имеют высоту 6,2 километра, кубометров сел. Оставалось призвать все мастерство советских взрывников, чтобы 3 200 тонная тротила с основным зарядом в 3 000 тонн приять направленное действие. Такой взрыв связан с явлением мумуляции, когда энергия перераспределяется и концентрируется в нужном направлении. Эти вопросы исследовались профессором Г. И. Перновским, который был главным консультантом алмазтинского взрыва. С помощью средств замедленного взрыва — детонаторов — три первых взрывоопасных заряда дали путь действию основного, а еще один ограничивал так называемый «сектор развала».

По расчетам, если бы алмазтинский взрыв не имел себе равных на планете.

В Китае при вскрытии Баюаньканского месторождения руд по руководством советских специалистов было одновременно взорвано 9 200 тонн взрывчатки, но самый крупный заряд весил лишь 1 000 тонн. На строительстве Алу-Вухарского канала взорвалось 9 400 тонн минерал зардами. Наконец при мощном взрыве вскрышем Алтын-Топкайское месторождение золота было толчено 1 640 тонн. Из крупных взрывов за границу указывают на наладный, в районе Ронк, так было взорвано всего 1 200 тонн, второе меньшее веса главного заряда в Медве.

Взрыв проводился вблизи крупного города. Нужно было проверить возможность сейсмического действия на дома, влияния на окружающую среду, газового облака. Все рассчитано было «надежно и превзойдено».

При взрыве определялись степени возмущения, возникающих в горных породах,

Следы землетрясения в Японии.

Разрушенная снежной лавиной швейцарская деревня Аироло.

изучалось движение взрывных газов, ставились эксперименты с нейтронами. Поиском, представляющие большой научный интерес материалы.

— С точки зрения гидротехнической, — сказал начальник штаба взрыва С. А. Попов, — плотина получилась прочной и однородной — плотность прилегания скальных обломков превзошла ожидания. Хорошие гидротехнические параметры имеют большое значение для технического прогресса в строительстве: путь для набросных камней, плетин отстрат.

Главный консультант взрыва профессор Г. И. Перновский, выступил по казактинскому радио, говоря, что на примере этой плотины будут учиться то-

му, как применить взрыв в мирных целях; что с его помощью можно заняться усовершенствованием рельефа земного шара. Человечество, глядя на взрывы, может там, где это нужно, будет создавать новые острова или перешейки между материками.

Это предсказание ученого прямо переключается со словами радистого участника взрыва Виктора Маркилова, когда он, глядя на взрыв, прост и искренне пожелал, чтобы мирные зарды сослужили добрую службу в борьбе с самыми страшными стихиями. Так же, как это было в ущелье под Алма-Атой.

Б. ФАИН, специальный корреспондент «Смены»

М. А. Врубель. «Сирень». 1902 г.

предметов нет, «мазок» ядру ломается и становится жестким. Вся картина как бы сложена из отдельных цветных призматических кристаллов и плоскостей. Эта необычность построения сразу же останавливает наше внимание, заставляет пристально вглядываться в нее. А холодные, мерцающие, потухшие краски рождают острое чувство беспомощности.

Цвета Врубель и раньше писал и рисовал часто. Еще тогда жил в 30-е годы в Киеве и расписывал Кирилловскую церковь фресками, когда писал орнаменты во Владимирском соборе. Тогда эскизы его фресок напугали церковную комиссию. В них была трагедия человеческого, а не божественного, а не шаблонно, Любил писать он цветы и тогда жил в Москве. Для него, это было отдохновением, управлением для души. Он никогда не делал ботанического подробной анатомической зарисовкой, педантичности точного и скрупулозного. Его живописные цветы — это не только изображение пластины цвета или выразительности нарастающей линии, это тайна своего рода «психологии». Ни в новой картине куст сирени стал настоящим героем, и героем трагическим.

***

Сегодня мы считаем «Сирень» одной из лучших картин Врубеля. Но художнику казалось, что он никогда не успел. И на следующий год Врубель работает над другой «Сиренью». «Все лето в Хуторе я был занят кустом сирени с давнейшей (Патенькой). Прошлогодняя моя сирень оторвалась и настоящей вещи, как эскиз и картина. Там мне удалось только кое-что уловить, и я очень хотел захватить вещь поинее вот прочна, что упорствую на этом сюжете» — писал он одному из друзей. Художник хотел, чтобы «Сирень» стала еще более драматичной, беспомощной, и потому говорил, что напоминает сирени, одной раздражающей глаз своей резкостью зеленой краской. Во второй вариант так и не был окончен. Недовольный собой, он жаловался, что «все требует капитальных переделок, почти все «на смарку», и собирался заканчивать полотно в Москве. А в Москве началась работа над «Демоном поверженном».

У Михаила Заболоцкого есть удивительные стихи о ночном саде:

О сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют
вполночьной...
О сад ночной, о большой сад
ночной,
О существа, заснувшие
надолго!
О вспыхивающий над садовой
головной
Мгновенный пламень
звездного осколка!

Когда он писал эти строки, то ведь ли помнил о картине Врубеля «Сирень». Но они часто вспоминаются в одном из залов Третьяковской галереи, где висит «Сирень», и кажется, что это и о ней: «О сад ночной...»

ВЛАДИМИР ВИКУЛОВ И АНАТОЛИЙ ФИРСОВ О ВИКТОРЕ ПОЛУПАНОВЕ:

ОТ АВТОРА:

Спортивная статистика знает все: сколько голов было забито в первом и втором таймах игр на первенство страны по футболу в 1946 году, количество шайб, заброшенных защитниками на последнем чемпионате мира по хоккею, среднюю сумму очков, приносимых за матч ведущими баскетбольными снайперами. И одного не знает статистика спортивной статистики: сколько троек нападающих выступало за наши ведущие клубы за все время существования ответственного хоккея.

Два минувших десятилетия (напомню, что первый матч на первенство страны состоялся ровно 20 лет назад, 22 декабря 1946 года) поглотил немало прекрасных хоккейных талантов — от ованских уже дымкой легенд троек Всеволода Боброва и Алексея Гурьяева и до героев сегодняшних баталий — знамен Александров Алметова и Вячеслава Старинова. Но ветераны хоккея один за другим уходят с ледяных полей, а мы с несомненным вниманием и интересом следим за спортивной судьбой новых ледовых бойцов.

Наиболее ярким преемником нового поколения советских хоккеистов стала ныне тройка Полупанова, или, как чаще ее называют, тройка Фирсова. Тройка чемпионов страны — команды ЦСКА, самая молодая тройка сборной СССР.

Трудно с достаточной степенью уверенности сказать, какое это по счету звание в наших хоккеях, поэтому важнее, что среди молодых спортсменов хорошо понимают их мастерство, уровень их класса — результаты ушли в несколько поколений хоккеистов.

О моих собеседниках — Владимире Викулове, Викторе Полупанове и их старшем товарище Анатолии Фирсове (апроче, тоже молодом человеке) — говорят сейчас часто и много. И чтобы не повторяться, я не стал писать еще один очерк о молодой тройке столичных армейцев, а попытка предствить их личности.

Прежде всего несколько фактов данных.

Место рождения — Спортивный дворец ЦСКА. Время рождения — 11 сентября 1965 года (именно в этот день в турнире армейских команд впервые сыграла тройка в ее нынешнем составе).

А теперь слово хоккеистам.

Олег СПАСНИКОВ

— Наш центрфорвард — исключительно удачный игрок: он охотно и много «отрабатывает» назад. С ним играть легко и интересно. Легко играть — да всего потому, что Полупанов — очень хороший хоккеист. Его назначением на ворота, очевидно, заставить, атаки, результативности можно только радоваться. Второй сезон Виктор в «Большом хоккее» и второй сезон в сборной СССР.

— Но Витя здорово играет и в пас. Хорошо ориентируется в сложной обстановке, техничен, быстр, обладает сильным рывком. Полупанов самолюбив, никогда не бывает равнодушен. Он настоящий боец. Особенно хороши Виктор в напряженной схватке, где ведет то один, то другой номер.

— Витя спокоен, рассудителен. Добродушно, поговаривая, дает с упрямством выслушивает все замечания (бредная черта человека — не только хоккеиста). Понимает, что таким образом быстрее познает секреты мастерства.

ВИКТОР ПОЛУПАНОВ И АНАТОЛИЙ ФИРСОВ О ВЛАДИМИРЕ ВИКУЛОВЕ:

ВЛАДИМИР ВИКУЛОВ И ВИКТОР ПОЛУПАНОВ ОБ АНАТОЛИИ ФИРСОВЕ:

— Хитрый, очень хитрый, необыкновенно хитрый хоккеист. Хорошо понимает игру. Коварный нападающий, всегда забивает, чужес с ней на большой скорости, хорошо видит поле и думает, думает... И пас у него темный и... злой, наказывает соперника за малодушие, непринятую или быструю ошибку. Хорошо ориентируется в обстановке на поле.

— Хитрый, очень хитрый, необыкновенно хитрый хоккеист. Хорошо понимает игру. Коварный нападающий, всегда забивает, чужес с ней на большой скорости, хорошо видит поле и думает, думает... И пас у него темный и... злой, наказывает соперника за малодушие, непринятую или быструю ошибку. Хорошо ориентируется в обстановке на поле.

— Выдумки, инициативы у Викулова на целый командой. Он все время в движении, в поиске, неустанно предлагает себя, спешит, если нужно, на помощь. Получил шайбу у красивой быстрой шайбу. Хорошо ориентируется в обстановке на поле.

— Выдумки, инициативы у Викулова на целый командой. Он все время в движении, в поиске, неустанно предлагает себя, спешит, если нужно, на помощь. Получил шайбу у красивой быстрой шайбу. Хорошо ориентируется в обстановке на поле.

— Мы оба «батаны». Это — главное. И думать в ходе матча и пас дается, что понять не успеваем, как же это он сделал, и бросил по воротам учиться у него надо. А «фехтование»? Ни один мушкетер, даже и Топи, не владел так шлагетой, как Топи илюштин. «Намизать» трех соперников чуть ли не на полулету, это для него не задача. А финт... Иногда ставим себе на место защитника, который должен играть против Фирсова, и радуемся, что мы нападающие.

— Мы оба «батаны». Это — главное. И думать в ходе матча и пас дается, что понять не успеваем, как же это он сделал, и бросил по воротам учиться у него надо. А «фехтование»? Ни один мушкетер, даже и Топи, не владел так шлагетой, как Топи илюштин. «Намизать» трех соперников чуть ли не на полулету, это для него не задача. А финт... Иногда ставим себе на место защитника, который должен играть против Фирсова, и радуемся, что мы нападающие.

— Веселый, заводной, душа звена. Верный товарищ. В игре он по-спортивному злой, иногда даже аспиринный. Но если проигрываем, не сердится, но объясняет неудачу нашим ошибками. Замечаний у него немного,

и всегда деловые. Анатолий причинил нас бить в игре внимательным и собранным. Причиной не уговорами, а пасами, которые бывают неожиданными не только для соперников.

— Мы знаем, о чем beszélает порой Анатолий Владимирович Тарасовы, но едва ли не в каждом матче нам приходится решать какую-то новую тактическую задачу. В любой игре мы чему-то учимся.

— Недостатки! А разве у Фирсова есть недостатки!

— Топля для нас не просто великолепный партнер, лидер звена. Он старший товарищ. Он начал играть раньше нас и застал многих прославленных ветеранов. Николол Солтубова, например. Мы считаем, что Николол, как и Топля, — два самых больших мастера нашего хоккея.

ВИКУЛОВ, ПОЛУПАНОВ И ФИРСОВ РАЗМЫШЛЯЮТ ОБ ОТЛИЧИИ СЕГОДНЯШНЕГО ХОККЕЯ ОТ ХОККЕЯ ПРЕЖНИХ ЛЕТ, О ПУТЯХ УСИЛЕНИЯ АТАКИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ:

— Виктор и Владимир заранее оговариваются: — Мы знаем этот хоккей в первую очередь от старших товарищей и тренеров.

— Фирсов: Я начинал в пятнадцать летом и вижу, как изменился хоккей. Сейчас играть и легче и труднее, чем прежде. Почему труднее? Вот несколько штрихов. Шесть-семь лет назад можно было, например, стоять перед воротами соперника и ждать передачи с фланга. Сейчас это намного вероятности — защитники просто-напросто оттолкнут, ототрут, отвратят тебя от ворот — хоккей с нашим сезоном становится все жестче. Заметно помыслился общий уровень ориенти-

Фото В. САХНА

ровни игроков на поле. Доверчивый, наивный протестор — теперь мало. Шайбу забросить значительно сложнее, вратари играют тактически более здраво.

ВИКУЛОВ и ПОЛУПАНОВ: Анатолий Владимирович Тарасов рассказывал нам, что в первые годы отнесительно техничный хоккеист мог обойти чуть ли не целую команду. Контраганы разнились так медленно, что, «провалившись», потеряв шайбу в зоне соперника, этот игрок еще успевал вернуться назад. А по воротам как бросал Шайбу, говорят, от льда не всегда отставать могли. Находясь на площадке по три-четыре минуты — и не уставали. Но ведь умеет устать! Другими словами, «выложиться», отбегать до конца силы игры, партнерям, команде за 40–50 секунд совсем не так просто. Бесполовая беготня только делает тебя смешным.

Труение нам играть и не может быть «эстонским» игроком, все постоянно движется, ищут наиболее перспективную позицию, отыгрываются. Никто все время быть настроен, не расслабляется ни на секунду.

Если в двенадцатиточном довле сложится льду, то, как бы тренировал ни был человек, после девятнадцатого этапа он заявит, что надырял пролет, надыря ступенька двенадцати, брусина прибавить к рекорду Труение, Сейчас сантехники, видимо, Труение, нем пять сантехников и мировую рекорду по прыжкам в высоту сорол лет назад. В хокконе эти двести сантехников не поддаются точному измерению, но они, эти сантехники — разница в классе — реально существует.

ТРИ ОТВЕТА О БУДУЩЕМ ХОККЕЯ:

ВЛАДИМИР ВИКУЛОВ: Думаю, что хоккей станет более «головастика» — не только каждый спортсмен, но и

игра в целом. Хоккей сделает шаг навстречу шахматам. Посмотрите, как играют сегодня Саша Альметов и Вова Александров: отдавая шайбу партнеру, они заранее знают, где и когда получат ее и кому и куда снова отдадут. В шахматах гроссмейстеры рассчитывают основной вариант на двенадцать — пятнадцать ходов. Наверное, и мы можем предугадать ход событий на пять-шесть передач. Передачи эти в общепото от нас сажик и зависят, от нашей выдумки и точности. Мало того, наигравав на тренировках, камне-то комбинации, мы тем самым уже «разучиваем» эти возможные ходы.

И второе. Хоккеисты семидесятого года будут совмещать в своем искусстве два добродетель: умение видеть поле и быстро бегать. Это совсем не так просто, как кажется. Из головы на большой скорости многое выветривается: теряешь из поля зрения партнеров, соперников, не замечаешь равня товарища. Быстро бегать и одновременно отлично видеть площадку и думать, искать наилучшее решение — задача, которую предстоит решить нам, хоккейной молодежи.

АНАТОЛИЙ ФИРСОВ: Будущее хоккея можно определить коротко. Каждый игрок по уровню своего мышления, теоретической и тактической подготовки станет как бы собственным тренером. Мы хорошо а да — лучше. И если в команде будет не один, не два тренера, а семнадцать, от этого, конечно, станет не только интересно, но и трудно. Не только ведь у нас, в ЦСКА, появятся семнадцать тренеров.

Хоккей станет более спортивным. На «сверхскоростных» будут двигаться не двести неподдающихся, а вся планета. Иначе это — выпадет из ансамбля. Сейчас на поле я довольно часто применяю обманные в финты — сложилось, возможность обвести не одного, а двухтрех соперников. Думаю, что в будущем такие «наи-

зывания» будут невозможны не только потому, что осмортительные станут защитники, — длительная, многоступенчатая обводка влечет за собой тактические дилеммы, снимает спорность атаки.

Володя, конечно, прав: самое главное — научиться сообразить на площадке, в ходе матча, тем более трудного матча. Задача умом всякий ребенок, а вот перестроится во время игры... Наше звено проиграло в начале этого сезона «Химки» как раз потому, что не смогло быстро найти контрмеры против действий соперников. Не получается, что-то одно, немедленно предложить другое — это самое трудное, но и самое интересное в хоккее. И в сегодняшнем хоккее.

ВИКТОР ПОЛУПАНОВ: Мне кажется, что пути усиления атаки прежде всего в увеличении объема работы всех хоккеистов, всей пятерки. Если мы будем больше двигаться (разумно, конечно, в интересах новизны), то также много будут вынуждены двигаться и соперники. И если они не подготовлены и повышению объема нагрузки, то быстрее устанут, начнут все чаще и чаще ошибаться.

Путь к воротам можно найти и в изменении характера броска. Он должен стать (и станет!) скрытым, неожиданным — «неологичным». Анатолий Владимирович учит нас бросать в ходе финта, обманного движения, ведения шайбы. Бросок не будет, видимо, самостоятельным, чистым приемом, он сольется с каким-то другим элементом техники и именно поэтому станет неожиданным и новизной.

Сколько хоккеистов будет непосредственно участвовать в атаке? Немного меньше, чем три. Трех мало, так, наверно, в связи с тем, больше будущего принаделит «системе» тактической построению хоккеистов, которое уже три года наигравалось в нашей команде. К нему пе-

реходит сейчас и наше звено, ведь с нами играют два больших мастера — Захар Иванов и Александр Пагулин...

ЭДУАРД ИВАНОВ И АЛЕКСАНДР ПАГУЛИН О СВОИХ ПАРТНЕРАХ:

— Одаренные, быстро возмужавшие хоккеисты. Опасные нападоющие, быстрые, решительные. И трудолюбивые. Часто и много работают сзади, в обороне. Единственное, чего мы пока не хватает, так это опыта. Хорошо, что наши солдаты (только Фирсов — легионер) как были, так и остались очень скромными ребятами... Хорошо, что все трое участв. Виктор — в институте. Толя и Володя — в школе тренеров, а Володя — еще и в вечерней школе. Работя и ним в команде хорошо относятся. Недавно всех троих избрали в комсомольское бюро.

И СНОВА ВОПРОС ВИКУЛОВУ И ПОЛУПАНОВУ: ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТАК РАНО ПРИШЕДШИЙ К ВАМ УСПЕХ?

— Позовало... Очень позовало. Позовало, что играем в такой команде, что нам очень верит. Позовало, что рядом Фирсов. А вообще и в других командах молодые ребята хорошо играют.

И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС МОЛОДЕЖНОМУ ТРОЙКЕ: ВАШИ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ?

— Научиться играть так, чтобы нам не делали скидок на молодость...

ЛЕОН ДА ГАЙДА

И ЕГО КОМАНДА

Этого неутомимого парня режиссер встречал в вагоне метро, на террасе дачного коттеджа, в кабине попутного грузина. На той неделе он таскал топор и кирку для туристской команды, дней пять назад полаял на распродаже книг, позавчера стоял в очереди на фестивальные фильмы, сегодня плывет у забора послезавтрашнюю газировку. Он играет в бадминтон, плавает, изучает финансы.

— Мальчик в очках. За спиной — легкая афродитосовская сумка на ремне, в ней могут быть плавание, может быть учебник. На ногах у мальчика — мода. Принимая мальчика — еминим. В общем, современный мальчик.

Что, если сделать этого мальчика героем современной комедии? Да, вот такой бесцельный, неутомимый синергизм, движимый по законам модности и справедливости. Ним ему дали то же чуть инфантильное — Шурки.

Режиссер Леонид Гайдай рассказывает: — Мы хотели придать современному положительному комедийного героя. Почему-то положительный комедийный герой чаще всего получается глуповатым, лишеным поступков. А что, если умный и с поступками?

Именно поэтому для меня поводом Шурки с Берзовой в первой новелле «Операция «Ы» — это не просто драка с кулиганом-пятацкистуттаном. Это — столкновение позиций Давида и Голыба, разума и тешной физической силы. Шуркин — современный герой именно потому, что это умный герой. Этим он побеждает своих противников. Но побеждает все равно по законам комедии.

Ангер Александр Демьяненко потом признался Гайдаю: «Вы знаете, Леонид Юрьевич, мне ведь поначалу было просто стыдно делать все то, что вы меня заставляли: прыгать, бегать, давать подножники, закатывать людей в обон, закидывать их, брестаться бутылками, плавать в лицо гниль, назаваться, это все каналь-то чушка, несерьезно...»

Мир энциентрий, мир неузнаваемых и смешных погонь, мир неузнаваний и пересозданий, невероятных приключений, мир сингарий и мажонн-люди имеют по особым законам комедийной условности, — это мир режиссера Леонида Гайдаи. А нас не так много энтузиастов энциентрий — это сам режиссер Леонид Гайдай и Гублинщина, Чалкина и Маниса Линднера, «Волги-Волги» и «Процесса о трех интеллигах», который, назався бы, уже давно канула в прошлые.

Гайдай алья и воскрисил старую погоню немого кино.

Погоня — это, пожалуй, символ гайдаевского кино. Погоню начал арзамейский динамитот Барбос. Потом он же носился со смежанном от самогоного аппарата Великолепные юбки Акула Дюжонс и Боб Тидболл плавали из юбки и скандали на лошадрях по красным ущельям Динко Ягата. Двое здоровенных верзил убежали от «воида красноречие». Черный от дыма, в наберенной повязке из мочалы, пятнадцатисучотный преследовал хрупкого Шурки. А тут, в свою очередь, по разрозному, залетному вином складу гонялся за минимым грабителями.

Пожалуй, все фильмы Гайдаи воспринимаются как один сплошной, веселый погонь.

В 1960 году в «Правде» появилась стихотворный фельетон Степана Олейника «Браконьеры». Он рассказывал неинтересно о том, как трое браконьеров отпустились на своей опасной промысел, да оскислись верный лес выжили в лесу за брашенным динамитом и выжили его.

То, что произошло дальше, мы увидели в знаменитом фильме Гайдаи, на однажды переименованном на международный фестивале — «Трес Барбоса», но который известен наверняка, трудно найти человека, который бы не видел бы этого фильма и не хотел бы — уполительно, до слез, монет быть, даже не отдавая себе отчета в том, над чем хохочет. «Минутный смех» — так любят говорить киноинтервью.

Между тем это не совсем так. Вернее, совсем не так.

Да, Гайдай в этом фильме откровенно повернул к древней погоне без слю. Но юмор положения создавался прежде всего разностью характеров преследуемых, их различной реакцией на «зарезанного пса» и различной самообороной. Именно в этом фильме родилось знаменитое гайдаевское трио — Бывалый, Трус, Балбес.

— Как это получилось? — В фельетоне Степана Олейника — описывается Гайдай, — три героя. Он пишет: «Духи Никол Гарвила вель. Следовательно, один из них есть это Гарвила, следовательно, опытный, матерый — Бывалый, одним словом. Дальше — Ниньолы. Мне не хотелось, чтобы они были похожи, они должны были быть разные. Это создавало большие возможности. Очевидно, они должны были быть без этого мет преступления. Значит, это трус. Ну, а другой, так сказать, за копейку, паше ручным, черная костьца, в общем, Балбес. Конечно, сейчас мне об этом легче гово-

Кинорежиссер Леонид Гайдай.

рить — тогда это было труднее. Но схема пискиа титов была примерно такой.

Потом нашлись пробы актеров. На роль Бывалого я мечтал пригласить Игоря Ильинского. Я его приглашал в каждую свою картину, но пока еще не започуши. Канто не вышло и на этот раз. Потом попробовали Любешкова. Но очень много бегать актеру было уже не под силу. Появился Моргунов — представительный и еще молодой, полный сил. Что насчет Труса, то я, не задумываясь, алья Винина: в с ним уже встречался в своем фильме «Меня с того света». На Балбеса пробовался В. Новиков, в потом появился тогда еще мало известный, но уже интересно сививший в двух фильмах — «Непогодищине» и «Девушка с гитарой» — Юрий Никулин. Так сложилось трио. Признаться, я тогда не думал, что оно окажется столь долговечным. Но одна сцена после «Барбоса» написала: «Гайдай нашел — таких типов, что их можно ставить в любые ситуации».

— Однако как же все-таки пришел и немедля, да еще и энциентрической. Леонид Гайдай?

— Сам Гайдай на этот вопрос отвечает неслучно неопределенно.

— Это зависит от характера. Момент чьей. Характер — дело сложное. Я же знаю другое: Гайдай боролся за свое признание, боролся за комедию. И путь, его далеко не всегда был усыпан розами, ведь Гайдай приходил в Москву, до ВГИКа, из Иркутска уже сложившимися, зрелым человеком. Воевал. Кончил театральную студию. Играл в театре. Играл разное. От Ваня Занухова до Солонина.

— Сам Гайдай на этот вопрос отвечает неслучно неопределенно. Момент чьей. Характер — дело сложное. Я же знаю другое: Гайдай боролся за свое признание, боролся за комедию. И путь, его далеко не всегда был усыпан розами, ведь Гайдай приходил в Москву, до ВГИКа, из Иркутска уже сложившимися, зрелым человеком. Воевал. Кончил театральную студию. Играл в театре. Играл разное. От Ваня Занухова до Солонина.

— После этого, наконец, он смог выжить? И он, конечно, выбрал комедию. На «Мосфильм» лежала сценарий «Мертвое дело». Гайдай пошел и заручился, тогда директор студии, и сказал: «Хочу сделать это». Пьерье ответил: «Уговорили Ильинского» — Бурья

«Кавказская пастухица» — новая работа Леонида Гайдая. На этих снимках, кроме старых знакомых Г. Визина, Ю. Никулина, А. Дельманко, вы видите молодую артистку Наташу Варлей в роли Нины и заслуженного артиста РСФСР Владимира Этуна в роли Саахова.

Фото В. ЧИГЛЯКОВА

ОДИННАДЦАТЬ ЛУЧШИХ ДЕБЮТАНТОВ

Как всегда, в конце года «Смена» называет одиннадцать лучших дебютантов прошедшего футбольного сезона. Это уже третья по счету символическая сборная команда, составленная из самых талантливых новичков большого футбола. Напомним, что многие из молодых футболистов, представленных в двух предыдущих списках, стали теперь известными мастерами: Анатолий Башкинский, Валерий Паркин, Юрий Арцишев, Владимир Митков, Анатолий Бышевцев, Юрий Секин, Сергей Крамаренко и многие другие. Будем надеяться, что такая же счастливая судьба ждет и лучших дебютантов 1966 года, отобранных редакцией «Смены» вместе с Федерацией футбола СССР.

Вратарь

Александр **АБРАМЯН**

«Арагат» Ереван, 21 год, студент, номсомолец, рост — 180 см, вес — 75 кг. Сыграл в первенстве СССР 35 матчей.

Правый защитник

Юрий **МУСИН**

«Арагат» Алма-Ата, 20 лет, учащийся, номсомолец, рост — 172 см, вес — 70 кг. Сыграл 30 матчей.

Центральный защитник

Малхаз **ШЕРГЕЛАШВИЛИ**

«Динамо» Тбилиси, 19 лет, учащийся, номсомолец, рост — 178 см, вес — 72 кг. Мастер спорта. Играл юношеской сборной СССР — победительницы турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 12 матчей.

Центральный защитник

Александр **СМИН**

«Арагат» Ереван, 23 года, номсомолец, рост — 186 см, вес — 75 кг. Сыграл 35 матчей, забил 4 гола.

Левый защитник

Николай **ДЕМЕНТЬЕВ**

СКА Ростов-на-Дону, 20 лет, военнослужащий, рост — 175 см, вес — 72 кг. Сыграл 12 матчей.

Полузащитник

Василий **КУРИЛОВ**

«Динамо» Минск, 19 лет, учащийся, номсомолец, рост — 173 см, вес —

87 кг. Мастер спорта. Играл юношеской сборной СССР — победительницы турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 11 матчей, забил 1 гол.

Полузащитник

Владимир **НАУМОВ**

«Зенит» Ленинград, 19 лет, студент, номсомолец, рост — 177 см, вес — 75 кг. Сыграл 28 матчей, забил 5 голов.

Правый крайний нападающий

Михаил **ГЕРШКОВИЧ**

«Локомотив» Москва, 18 лет, студент, номсомолец, рост — 170 см, вес — 62 кг. Мастер спорта. Играл юношеской сборной СССР — победительницы турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 28 матчей, забил 8 голов.

Центральный нападающий

Нази **АСАТЯНИ**

«Динамо» Тбилиси, 19 лет, студент, номсомолец, рост — 186 см, вес — 82 кг. Сыграл 15 матчей, забил 5 голов.

Центральный нападающий

Владимир **ЮЗЛОВ**

«Локомотив» Москва, 20 лет, студент, номсомолец, рост — 175 см, вес — 73 кг. Сыграл 35 матчей, забил 14 голов.

Левый крайний нападающий

Геннадий **БЕРЮХИНСКИЙ**

«Динамо» Москва, 22 года, студент, номсомолец, рост — 170 см, вес — 68 кг. Сыграл 24 матча, забил 9 голов.

СМЕНА № 5. «СОКРАЩАЙТЕ ПУТЬ К ЦЕЛИ»

В этом номере вашего журнала была опубликована первая нурс атлетизма. Мы стали заниматься атлетической гимнастикой, строго придерживаясь указаний и советов, которые были там даны. И, надо сказать, мы были просто поражены результатами, которых добились за два месяца после окончания второго комплекса.

По поручению воинов дальневосточников Е. ЮСТИН, Приморский край.

Это письмо вам пишет группа воинов.

Вот уже полгода мы занимаемся атлетизмом, и довольно плодотворно. Для своих занятий используем комплекс упражнений и системы упражнений. Обязательно проводим занятия печатать новые комплексы упражнений.

г. Иркутин.

СМЕНА № 11, 1965. «НЕ НА КОНКУРС КРАСОТЫ»

Прочитал заметку М. Тартановского «Не на конкурс красоты». Репиде я же любила фигуристку, но теперь все изменилось: ваша заметка меня встряхнула и заставила по-новому взглянуть на спорт и на себя. Да, полностью с Вами согласен в том, что ивание косметические ухищрения не могут заменить той настоящей красоты, которой можно достичь, занимаясь спортом.

Н. ЖУРАВЛЕВА, г. Ингелас.

СМЕНА № 16. «ШАГНИ МНЕ»

Прочитал статью М. Тартановского «Шагни мне!». Новая чушь! Да, я согласен, что каждый человек должен заниматься спортом. Но называть любителей спорта, болельщиков левыми, оскорблять никого не имеет права! Да, ради матча мы иногда откладываем нужную книгу, пропускаям кинофильмы и выставки. Но я считаю, что стадион — это тоже театр, а спортсмены — артисты.

Я работаю в маленьком тесном поселке, Удзенькош, шахматный, с интересным жанром спортивных газет, десятилетием гола, очку, секунды, болело за минское «Динамо». И каждый матч этой команды дает мне хорошие настроения, силы. Пусть сотни тысяч любителей спорта ходят на спортивные площадки и стадионы, чтобы болеть за свои любимые команды, и находят в этом наслаждение такое же, какое находят в театрах, кино, па концерт.

И. ГОРА, Иркутская область.

Прочитал статью Марии Тартановской и задумался. Очень хорошая и нужная статья. Автор пишет, что болельщик — профессиональный спортсмен. Это верно. Сам я легкоатлет, у меня второй разряд в спринте. Очень люблю легкую атлетику поэтому беспокоюсь о ее судьбе. В 1964 году в Тбилиси и в 1966 году в Вудзеште нашему престижу в этом виде спорта были нанесены серьезные удары. Думаю, что одна из причин — мизерность потенциала, о котором говорилось выше. Надо активнее пропагандировать легкую атлетику в печати (в том числе, конечно, и в «Смене»), по радио и особенно по телевидению. Тогда будет больше болельщиков, тогда будет выше потенциал, на которого можно черпать новые спортивные силы.

Л. СЕГАЛЬ, г. Вильнюс.

ШЕКИ.

«Танцует» ансамбль игроков сборных СССР в Турции.

ТВИСТ.

Исполняют Анатолий Бышевцев и Винтор Шустинев.

СЧЕТ ЧЕЛОВЕКОСОБИЕНОЙ ВИМЛЗАИШЕЙ?

«Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околоземное пространство».

К. Э. Циолковский

Более полувека прошло с тех пор, как в одном из старейших писем были написаны эти знаменитые строки. Высеченные на памятниках, воспеваемые в бесчисленных книгах и статьях о Циолковском, они так часто ныне повторяются, что заложившая в них глубина идеи — главной идеи великого основоположника космонавтики — порою просто не доходит до нашего сознания.

Как, в каком это смысле человечество не останется вечно на Земле? Идет ли речь о том, что со временем человечество покинет пределы атмосферы, что вслед за первыми космическими полетами людей высадятся на Луну, а затем куда-нибудь и на планеты и другие космические тела? Высадятся, чтобы исследовать их и использовать природные богатства этих тел для нужд Земли, для удобства жизни на Земле, совершенной во всех отношениях цивилизации? Или человечество предостан ко времени покинуть земную оболочку, чтобы, используя возможности, расстелиться на просторах космоса и стать в полном смысле слова космической (а не только земной) цивилизацией?

Поставленные вопросы имеют для нас, людей 60-х годов XX века, отнюдь не чисто творческое значение. От того, какая именно представляется нам будущая человечества (и вблизи и весьма отдаленно), зависят и наши практические действия сегодня. В конце концов поведение человека во многом определяется тем, как он представляет себе свое будущее.

На протяжении всей истории человечества численность народонаселения Земли неуклонно возрастала. Демографы утверждают, что за 7 тысяч лет до нашей эры на всей планете обитало не более 20 миллионов человек. В начале нашей эры во всей огромной, раскинувшейся по трем континентам Римской империи было всего 54 миллиона жителей.

К началу текущего века человечество насчитывало в своих рядах 1,6 миллиарда человек, а сейчас, в 1966 году, 3,3 миллиарда. Изучая динамику роста народонаселения Земли, легко обнаружить, что общее число жителей растет не пропорционально времени, а несравненно быстрее. Если до начала нашей эры количество обитателей Земли увеличивалось каждую тысячу лет, то теперь, после 1850 года удвоение произошло за 100 лет. В наше время удвоение населения Земли ожидается к

2000 году. В будущем же столетия, если темпы прироста не сократятся, человечество будет удваиваться за 2—3 десятилетия, а затем и за несколько лет! В прошлом, 1965 году прирост населения Земли составил 70 миллионов человек. Это означает, что каждую секунду обитало землян увеличилось на 2—3 человека, а к исходу каждого суток в его ряды вывалилось двухсоттысячная армия. Численный рост человечества можно изобразить графически, откладывая по горизонтальной оси графика годы, а по вертикальной — землетя. Если бы общее количество людей увеличилось пропорционально времени, рост человечества изобразился бы некоторой идущей вверх прямой. На самом же деле график роста — стремительно взмывающая вверх кривая, называемая в математике экспонентой. Она представляет собою так называемый закон нормального роста, при котором годовой прирост пропорционален численности населения.

Допустим, что и впрямь человечество будет увеличиваться по закону нормального роста. Тогда высчитываем перспективы несколько ивоиониданые и с первого взгляда устрашающие. В самом деле, легко подсчитать, что лет через двести на всем земном шаре плотность населения станет такой же, как сегодня в Москве. Через пять же столетий жизненное пространство каждого человека ограничится одним квадратным метром суши! А через полторы тысяч лет...

Надо заметить, что авторы этих оценок исходили из предположения, что годовой прирост останется неизменным — двумя процентам. Но так ли это в самом деле, можно ли доверять постоянству этой цифры?

За первые 1900 лет нашей эры годовой прирост населения Земли не превышал 0,1 процента. Сейчас во многих странах он больше двух и даже трех процентов. Вот примеры: Китай — 7,3; Индия — 7,6; Турция — 3,0; Мексика — 3,4; Никарагуа — 3,6; Венесуэла — 3,8. Однако что касается развитых стран, то прирост там, как правило, не достигает двух процентов (США — 1,3 процента; Англия — 0,6; ФРГ — 0,7; Франция — 0,7). В Советском Союзе годовой прирост равен 1,7 процента.

За последние десятилетия население Земли увеличилось на 480 миллионов человек, а к 2000 году оно, по-видимому, превысит 6—7 миллиарда.

Самое, пожалуй, удивительное в этих прогнозах то, что катастрофическое перенаселение Земли

должно наступит в обозримом будущем, то есть через какие-нибудь несколько столетий.

Грозит ли человечеству этот демографический взрыв, это чудовищное перенаселение нашей планеты?

Как и всякие прогнозы, предположение об «астрономической численности будущего человечества» не обладает абсолютной достоверностью, если замедлит рост по экспоненте сохранится и на ее последующие века.

Можно, однако, представить себе и другую картину: через некоторые времена (сейчас трудно сказать какой) темпы роста населения Земли замедлятся, будет достигнуто регулирование рождаемости и в конце концов на земном шаре установится постоянное число жителей. Сторонники таких взглядов называют даже числа для этого «стационарного» человечества: один полагает, что в его ряды всегда будет 65 миллиардов человек, другие называют даже в несколько раз больше числа. Предполагается, что человечество навсегда останется на Земле и наша планета на ее последующие времена будет единственным домом человечества.

Эта кажущаяся соблазнительной для многих перспектива при ближайшем рассмотрении представляется нам маловероятной. Дело в том, что замедлу роста по экспоненте подразумевает не только численность населения Земли, но и другие величины. В частности, технологическое развитие земной цивилизации также происходит по экспоненциальному закону. И, по мере нарастания прогресс не связан прямо с ростом численности населения, именно он, научно-технический прогресс, в первую очередь стимулирует превращение человечества в космическую цивилизацию.

За последние два века ежесекундное количество энергии, вырабатываемое различными техническими устройствами, удваивается каждые 20 лет и ныне составляет 4×10^{10} эрг. Если так будет и впрямь, через 200 лет человечество станет производить энергии в тысячу раз больше, чем теперь, что заметно изменит тепловой режим Земли. Потепление приведет к концу коньков и таянию антарктического ледяного щитца и других ледников со всеми неприятными последствиями этого процесса (повышением уровня океана, не достигнет дну, сократится пространства суши). Значит, через два века, а может быть, и быстрее, надо позаботиться о выносе энер-

гетических установок за пределы Земли, в космос.

Стремительно растущ и наши знания. В то же время объем информации, черпаемый человечеством в процессе познания окружающего мира, удваивается примерно каждые 10 лет. В дальнейшем и эти темпы должны увеличиться, так как и объем информации растет по тому же экспоненциальному закону.

Так нужно ли, слишком уж уверенно тормозит численный рост человечества? Не распространит ли эта «концентрация» на остальные виды деятельности человечества, не придется ли ограничить и научно-технический прогресс!

В конце концов идея стабильности человеческого рода слишком плохо уживается с безудержно рвущейся вперед человеческой натурой; с реальной, стремительно прогрессирующей на наших глазах земной цивилизацией. Скорее можно предположить, что человечество ждет другая возможность — дальнейшее развитие по законам нормального роста, по экспоненте.

Устраивают ли в этом случае грудающие кошмары экспоненты, космические, с первого взгляда непреодолимые трудности, ждущие наших потомков уже в близком будущем?

На бурный характер роста населения Земли обратили внимание уже некоторые социологи прошлого, и в частности пелальновско-милуэтский антинанисский священник Т. Мальтус. Анализируя (с позиций своего времени и своего класса) развитие человечества, Мальтус в конце позапрошлого века сформулировал такой фактор: если нет сдерживающих элементов, народонаселение Земли увеличится за геометрической прогрессии, тогда как средства к существованию возрастают лишь в арифметической прогрессии.

«Факторы онеидания, устранимая», писал Ф. Зигель в 1844 году, — но верна ли она? Хорошо известно, какие выводы сделаны последователями Мальтуса из его «людоводского» (выражение К. Маркса) закона. С позиций мальтузизма пыгались и пытаются оправдать даже войны, как средство уменьшающее прирост населения.

Порочность «закона» Мальтуса, однако, не в утверждении того, что численность населения Земли растет в геометрической прогрессии; — это исторический факт. И нельзя считать мальтузизмом

КОМАРЫ ЭКСПОНЕНТЫ

ПРОГРЕСС ОБЕЩАЕТ БЕЗДНУ МОГУЩЕСТВА

ПОИСКИ БРАТЬЕВ ПО РАЗУМУ ВО ВСЕЛЕННОЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

тех, кто, распространяя этот закон роста в будущее, обращает внимание на возможное перенесение земного шара. Лоурис Дрэгг утверждает: Мальтус, будто средство существования, или (что равноценно) энергетическая и техническаяอาวุธность человечества, растут в арифметической прогрессии.

Факты опровергают этот основной тезис Мальтуса. Несмотря на математические расчеты показывают, что производство энергии на душу населения земного шара со времен Мальтуса непрерывно растет. Энерговооруженность человечества — основа его материального благополучия — увеличивается не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Следовательно, пресловутый «закон Мальтуса» противоречит реальному ходу человеческой истории.

Не должен он иметь силу и в будущем, потому что в нормально развивающейся цивилизации (а именно такой мы представляем себе коммунистическое общество будущего) экспонента роста производства энергии будет всегда идти выше экспоненты роста народонаселения. Иные говоря, такое соотношение параметров этих экспонент обеспечит непрерывный рост материального благосостояния каждого члена общества.

Нет, не обнищание ждет человеческий род, а, наоборот, говоря словами Циолковского, человечество в конце концов приобретет «бездну могущества». Однако если мальтузианский признак роста по-прежнему проистекает от роста человечеству, то еще вовсе не следует, что наша планета сможет всегда удовлетворить восточному и энергетической потребности цивилизации.

Как уже говорилось, через несколько веков на Земле станет, по-видимому, так тесно, что население человечества в космосе — сначала на телах Солнечной системы, а потом и за ее пределами — окажется процессом совершенно неизбежным. (Вариант консервативного человечества мы рассматривать не будем.)

К расселению в космосе толкает человечество ограниченность (хотя пока во многом еще не использованные) энергетические и материальные ресурсы нашей планеты. Сегодня земные ресурсы еще очень велики и возможности их использования далеко не исчерпаны. Практическая задача по крайней мере на ближайшие десятилетия — выжить из нашей планеты максимум того, что она способна дать. Но сомнений, что даже при современном уровне техники, рационально используя

земные богатства и суши и океанов, можно прокормить гораздо большее количество людей, чем того, которое сегодня населяет земной шар.

Однако непрерывный научно-технический прогресс человечества и рост его численности может быть обеспечен чисто земными ресурсами скорее всего только на ближайшие столетия.

В грядущие века непрерывно прогрессирующая земная цивилизация должна неизбежно расселиться на просторах космоса. Вот как представлял себе К. Э. Циолковский будущее рода людского в своем грандиозном «Планы работ», начиная с ближайшего времени. Мы приведем лишь некоторые пункты этого плана:

«10. Возникнут устьяны — обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобства жизни (паропорты), но и для перемещения по всей Солнечной системе.

12. Основывают колонии на поясе астероидов и других местах Солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность и увеличивается число колоний.

14. Достигается индивидуальное (личностное, отделимое человека) и общественное (социалистическое) совершенство.

15. Население Солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего. Достигается предел, после которого неизбежно расселение по всему Млечному Пути.

Нельзя принять эту головокружительную план (первые девять пунктов которого, кстати сказать, уже осуществлены), но нельзя и думать, что осуществление сроков его полной реализации!

В настоящее время человечество в секунду расходует энергию, равную 4×10^{10} эрг. За последние годы наблюдается увеличение расхода энергии (или энерговооруженности) составляло 3—4 процента. Допустим, что в будущем этот прирост составит до одного процента. Тогда несложные расчеты показывают, что через 3200 лет человечество будет впоследствии потребить следовательно, столько, сколько человечество, и производств) такое же количество энергии, как Солнце (4×10^{30} эрг), а через 5800 лет — столько же, сколько ее 150 миллиардов звезд нашей Галактики!

Совершенно очевидно, что в рамках Земли такое сверхкопирование производства осуществить нельзя.

Следовательно, человечеству должно будет вырваться за пределы Земли. Как оно будет жить в космосе, какими техническими

средствами и в какой форме оледенит человек. Солнечная система сейчас тесна. Будет ли построена сфера Циолковского — Дэйсона, мадо улавливающая все солнечное излучение, или человечество создаст что-нибудь иное, мы не знаем. Но ясно одно — в современном человечестве заложены возможности для жизни не в ограниченном прогрессе, а не вядо принципиальных причин, почему бы в будущем человечеству и не расселиться по всему Млечному Пути».

Было бы странно полагать, что наша земная цивилизация — единственное во всей Вселенной общество разумных существ. Даже наиболее скептически настроенные

в этом смысле ученые оценивают количество высоразвитых цивилизаций в одной нашей Галактике сотнями тысяч. Общее же количество космических цивилизаций во всей Вселенной неопределяемо велико. Если это так, то естественно думать, что в разных концах обширного пространства существует на разных стадиях развития.

«Все фазы развития живых существ можно видеть на разных планетах — писал К. Э. Циолковский. — Чем было человечество несколько тысяч лет тому назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет — все можно отыскать в планетном мире».

Полагая, что и внеземные цивилизации развиваются по законам нормального роста (по экспоненте), мы должны сделать вывод, что цивилизации, обогащаясь в своем развитии человечеством, как правило, не останавливаются перед его по своему техническому уровню. В самом деле, при тех исключительно высоких темпах развития, какие зарезервы для современного человечества, за сто, шесть лет технической úrovни нашей земной цивилизации должен возрасти неслабыми. Что же не так с цивилизациями, которые старше нас на тысячи или миллионы лет? Несомненно, это будут сверхцивилизации, обладающие восточством и энергией не только своей планеты, но и своей звездной системы.

Дис еще наш рассуждения носили несколько отвлеченный, умозрительный характер. Существуют, однако, принципиальная возможность опытным путем проверить, правдивы или ошибочны эти рассуждения.

Хорошо известно, что любая система с внутренними источника-

ми энергии непрерывно должна излучать во внешнее пространство ровно столько энергии, сколько дает эти источники, в противном случае температура системы катастрофически возрастает.

Этот простой физический закон распространяется и на внеземные цивилизации. Если где-нибудь в космосе есть общества разумных существ с мощно развитами производством энергии, то такие сверхцивилизации должны обнаружить себя как мощные и скорее всего изотропные (то есть излучающие во все стороны) источники излучения. Можно думать, что это излучение кодировано, то есть содержит в себе информацию для других цивилизаций, только в этом случае расход энергии во внешнее пространство будет не бесполезным, а разумным и гуманным.

Расчеты показывают, что даже на диаметре сантиметровой и дециметровой радиолонии цивилизации могут передать за короткое время колоссальное количество сведений (например, все знания, накопленные человечеством, можно передать в таком виде за несколько минут).

Человечество пока не может позавидовать такому эроскопью, как непрерывные радиопередачи для внеземных цивилизаций. Но оно уже сегодня способно на обратное — улавливать и расшифровывать то, что передают «Всеми Разуму» наши далекие братья по Вселенной. Поиск радиосигналов от внеземных цивилизаций начался всего шесть лет назад. Естественно, что на быстрый успех рассчитывать не приходится. Тем не менее за последние два года были обнаружены странные и очень далекие космические радиосигналы, которые по характеру распределения энергии и по некоторым другим свойствам (например, периодическим изменениям интенсивности радиолонии) напоминают искусственно созданные сигналы. Было бы интересно узнать, обнаружены ли эти сигналы при наблюдении в космосе, но это совсем иное, вполне естественное, сказать пока трудно.

Безусловно, в поисках внеземных цивилизаций включается все большее и большее число ученых. Строятся для этой цели новые мощные радиотелескопы, проводятся научные конференции. В Астрономическом институте имени Штернберга работает комиссия по межзвездным связям по одной внеземной цивилизации, вышедшей за пределы своей планеты и мирно осваивающей космос, несомненно, ускорит научно-технический прогресс человечества.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

КОМЮРИСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

С перва и вам рассказываю, как родился этот короткий рассказ. Как-то вечером, когда я сидел и работал, в комнату вошла моя дочь — ученица восьмого класса. Отец, — сказала она, — позволь мне коротенько осветить одну мысль. Было бы очень интересно, поможете ли, пожалуйста, если бы ты отложил перо на второй план и со всей принципиальностью, со всей притворной застенчивости бы спросил об улучшении развития жанра фантастики, внес свои личный вклад в это, поможете ли, пожалуйста, мое дело.

— Что с тобой? — спросил я у дочери. — Почему ты так странно выражаешься? Откуда у тебя появились эти неупреки обороты речи? — Пожалуйста, — сказала дочь, — у нас только что кончилось собрание, я... — Не продолжай. Я все понял. Вериемся и твоей помощи. Ты хочешь, чтобы я сочинил фантастический рассказ? Ты правильно ставишь вопрос. Хорошо, — сказал я, — попробуй. Но это не будет фантастичной в чистом виде. Это будет рассказ с элементом фантастики... Я в некоторые времена подумал, потом сказал:

— В рассказе будут два действующих лица, два человека и собака. Впрочем, нет, будет еще и третий человек. Обязательно третий человек, потому что, если его не будет, рассказ печально окончится, а это не в моей манере. Я не люблю печальных концов.

Первым действующим лицом явится весьма молодой товарищ, фамилия его будет, скажем, Тотин. Что же касается его профессии, то я его сделаю оратором, и не столько по призванию, сколько по давней склонности, более всего похожей на лгу, выступая везде и всюду, проноситься ретив на собраниях, совещаниях, симпозиумах, форумах, летучках, пламенных, питиминутках и т. д. и т. д.

Вторым действующим лицом этой вполне современной истории предстанет известный русский писатель Иван Сергеевич Тургенева. Тот самый И. С. Тургенева, который, между прочим, сказал: „...ты мне один под-

держка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!“

В рассказе И. С. Тургенева будет выведен не как художник слова и выдающийся мастер русского языка, а как человек, являющийся вторым призванием — как охотник.

Охотнику Тургенева, как того и требуют низменные обстоятельства, будет сопутствовать охотничья собака по кличке, скажем, Трезор.

Третьим действующим лицом. Впрочем, третье действующее лицо появится в самом конце рассказа и представит самозвоничко. И еще одно объяснение, в котором, по правде говоря, нет особой нужды, но все же.

Обещанный элемент фантастики будет состоять в том, что одним из действующих лиц короткого повествования о событиях наших дней явится покойный писатель-иннасин.

А теперь слушайте рас-

сказ, который являет собой нечто более мрачное, чем введена часть, или, проще сказать, проамбулу.

Было погожий летний вечер. И солонично, и не помню, ходит ли на охоту по вечерам. Для верности скажу так: было прекрасное летнее утро. Собираясь приоткрыть прогулку по берегу реки, Тотин решил неукрепиться. Он не спеша разделся и, слегка помявшись от утренней прохлады, прыгнул с песчаного берега и поплыл.

«Славное нынче утро, — думал Тотин, — сильными взмахами рук рассекая тихую воду, стрелой пролетела, а вон развиглялся самолет в небе белый след оставил».

Плыл себе Тотин, размышляя о разных разностях, но то ли устал он, или не рассчитал сил своих, или начал беднеть тогуя. И надо же было случиться, что шел в тот час по берегу рослый, красивый старик с румяными лицами. Стар-

рин нес в руке ружье, рядом шла охотничья собака. Если бы Тотин больше читал и чаще бы, как говорится, брал в руки книгу, он, доставшись сразу испорчен, бы портрет писателя И. С. Тургенева, совмещаясь в первом томе его полного собрания сочинений, и сразу бы узнал старика. Но увы, Тотин значительно меньше читал, чем говорил. И потому вместо того, что бы крикнуть: «Иван Сергеевич Тотин! Помогите!» — крикнул:

— Товарищи, разрешите мне коротенько остано-

виться... — Пустой-на, Трезор, — сказал Тургенева, — наместе, этот молодой господин вознамерился что-то сказать.

Остановившись охотник, села собака, а терпелив бездельничавший в это время ворчал, залгавшая выглаголав и снова залгавшая сумасшедшую речушку воду.

Разрешите мне коротенько остановиться и поставить вопрос ребром. Данная ситуация, товарищи, складывается так, что, находясь под влиянием не изученной в должной мере теории среды, я имею тенденцию углубиться в это дело с возможностью последующего невехода наружу. Я, товарищи, не буду долго останавливаться на истории вопроса, так как налицо имеется чересурвы высочайшее потребление воды на душу населения в моем лице и мой речь имеет тенденцию утрагивать необходимость для народа разборчивости...

... Ты что-нибудь понимаешь, Трезор? — спросил Иван Сергеевич у своей верной собаки.

Трезор помчал ушами, туловищу толкнув Тотину огластит окрестности изречениями и дерзательными возмущением, «Огого! Но вот, хлещу воду порцию воды, беднеть продолжай».

— Товарищи! Современная обстановка складывается в таком аспекте, что с наидной новостью погружением

— ИЩЕ ТРИ ГОЛЯ В ДОМ НАПРОТИВ — И ПЕРЕКРУТ.

— ЗНАЧИТ, ГОВОРИТЕ, НА КОНТРАВСЕ ИГРАЛИ?

— КОГДА МОЖНО БЫЛО ДОСТАТЬ ЕЛКУ, ТЫ ВЫД ЗАНЯТ, ЗАТО СЕЧАС У ТЕБЯ ЕСТЬ ДВА СВОБОДНЫХ ДНЯ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунок А. НЕКРАСОВА

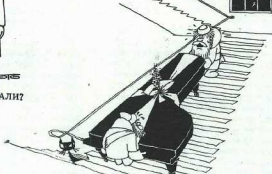

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ «СМЕНЫ» В 1966 году

**Владимир
Аронин**

**Николай
Асанов**

**Юрий
Влодов**

**Михаил
Дудин**

**Гелий
Ковалевич**

**Николай
Леонов**

**Василий
Мишин**

**Евгений
Осетров**

**Станислав
Токарев**

**Злла
Черепыхова**

Владимир АРОНИН	— серия рисунков к стихам	[№№ 3, 7, 10, 11, 18, 20]
Николай АСАНОВ	— рассказ «Испытание страхом»	[№ 19]
Юрий ВЛОДОВ	— стихи	[№ 19]
Михаил ДУДИН	— поэма «Песня дальнего дороге»	[№ 1]
Гелий КОВАЛЕВИЧ	— текст к фотоочерку «Лес начинается с человека»	[№ 18]
Николай ЛЕОНОВ	— приключенческая повесть «Приступаю к задержанию»	[№№ 16—17]
Василий МИШИН	— фотоочерк «Сибирские каникулы»	[№ 18]
Евгений ОСЕТРОВ	— статья «Неумолчная песня России»	[№ 14]
Станислав ТОКАРЕВ	— статья «Факторы удачи»	[№ 22]
Злла ЧЕРЕПАХОВА	— документальная повесть «Записки Зои Курбатовой» и серия очерков «Как быть! Кем быть!»	[№№ 11, 16, 17, 19, 20]

Редколлегия благодарит писателей, журналистов, художников
и читателей, выступивших на страницах «Смены» в 1966 году.

Первая страница обложки: Артисты Георгий Винци, Евгений Моргунов и
Юрий Никулин в новой кинокомедии «Кавказская пленница».

Фото В. ЧИГЛЯКОВА

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и рисовки — Д 3-30-07; информации — Д 3-31-08; оформления — Д 0-28-39.

Художник-оформитель В. Соколов.
Технический редактор Н. Буднига.

А 10449. Подписано и печатно 0/ХП 1966 г. Формат бум. 70 × 108/16. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 3,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 2325. Заказ № 3036.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Неторопливо.

Слова
и мелодия
С. КРЫЛОВА

Когда зимний вечер
Уснет тихим сном,
Сосульками ветер
Звенит за окном,
Луна потоньку
Из леса встает
И желтым чыленком
По небу плывет,
А в окна струится

Сиреневый свет,
На хаю ложится
Серебряный снег,
И, словно снежинки,
В ночной тишине
Хорошие сны
Прилетают ко мне.
Вы радость несите,
Хорошие сны,

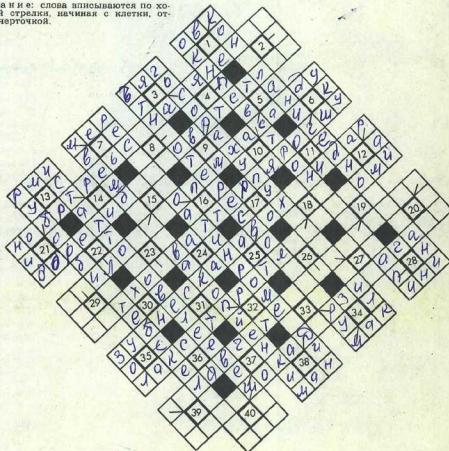
И мне расскажите
О тропах лесных.
Где все, словно
в сказке,
Где — сказка
сама —
Красавица русская
Бродит зима...
Но что это?

Снежный бушующий
шквал...
И небо погасло,
Как синий кристалл,—
То желтый чыленок,
Что в небе гулял,
Все белые звезды,
Как зерна, склевал.

К Р О С С В О Р Д

1. Скульптор, лауреат Ленинской премии.
2. Командир партизанского соединения в Белоруссии, Герой Советского Союза.
3. Порт на Кубе.
4. Советский гроссмейстер.
5. Баллада В. А. Жуковского.
6. Горная система в Азии.
7. Герой «Повести о настоящем человеке».
8. Полеводство.
9. Народный художник СССР.
10. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».
11. Песня А. В. Софрониной.
12. Знаменитый итальянский соловей.
13. Валет А. И. Глазунова.
14. Расшифровка названия.
15. С. Турганова.
16. Глауковский духовой инструмент.
17. Полуостров в Северной Америке.
18. Комедийное музыкально-сценическое произведение.
19. Город в Ивановской области.
20. Редька, впадающая в Венгальский залив.
21. Курорт в Приморском крае.
22. Художественно-педагогический.
23. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
24. Литературный сценарий балета.
25. Ракообразное животное.
26. Солоний корональный номер в опере.
27. Духовой инструмент.
28. Песня А. П. Чехова.
29. Остров в Новой Зеландии.
30. Итальянский композитор и скрипач-виртуоз.
31. Озеро в Закарпатской Украине.
32. Немецкий композитор.
33. Астрономический прибор.
34. Трилогия Г. И. Серафимовой.
35. Дворянское поместье.
36. Детский журнал.
37. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
38. Один из первых русских революционеров.
39. Украинский поэт и художник, революционер-демократ.
40. Радикал мажорант.
41. Повесть, лауреат Ленинской премии.
42. Город в Курганской области.

Примечание: слова записываются по ходу часовой стрелки, начиная с клетки, отмеченной черточкой.

Составил Е. ТИХОМОВ,
г. Ростов-на-Дону.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАНЫ
В № 23

По горизонтали:

1. «Вечеринка».
2. Энциклопедия.
3. Тоса.
4. Пингвин.
5. Евек.
6. Ают.
7. Зент.
8. Виргинионец.
9. Улитка.
10. «Костер».
11. Карагачин.
12. «Корюшан».
13. Кедровый.
14. Плат.
15. «Измайлун».
16. Тирасполь.
17. Оперет.
18. Карельский.
19. Венесуэла.
20. Индик.
21. Ангел.
22. Аномалия.
23. Тали.
24. Соль.
25. Урал.
26. Есенин.
27. Лоп.
28. Снакель.
29. Снакель.

По вертикали:

1. Варягушина.
2. Елот.
3. Ибодан.
4. Курперман.
5. Сердолов.
6. Делек.
7. Аист.
8. Роттердам.
9. «Нагустра».
10. Торт.
11. Торт.
12. Торт.
13. Торт.
14. Кент.
15. Торт.
16. Торт.
17. Ветеромешалка.
18. Корреспондент.
19. Кабальтов.
20. Неандерталь.
21. «Решор».
22. Ветлуга.
23. Плат.
24. Тивет.
25. Востание.
26. Энциклопедия.
27. Стюмент.
28. Беронде.
29. Кемонист.
30. Фунт.
31. Снакель.
32. Аманда.
33. Леон.
34. Крон.
35. Торт.

Новогодняя Сказка

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

В новогоднюю ночь старый Волк особенно остро почувствовал свое одиночество.

Увзвая в снегу, продираясь сквозь цепкие елки, он брел по лесу и размышлял о жизни.

Да, ему никогда не везло. Самые лучшие куски

у него выхватывали из-под носа другие.

Волчица — и та ушла от него, потому что он мало приносил зайцев.

Ох, эти зайцы, сколько из-за них неприятностей!

У кого их много, тому все нипочем, а у кого мало...

Елки-елки...

«Елки-палки, — думал Волк, — когда же это все кончится! Никуда не денешься от этих елок, хоть из-лесу беги!»

И вдруг...

Волк присел на хвост, потер глаза: неужели правда!

Под елками сидел самый настоящий, самый живой Заяц.

Он сидел, склонив набок голову, и смотрел куда-то вверх, и глаза его улыбались, и усы его улыбались,

словно ему там новость что показывали.

— Игм, игм, — сказал Волк, желая обратить на себя внимание.

Обычно, услышав это «игм», Заяц давал такого стрекача, что продолжать разговор уже не имело смысла.

А тут — сидит.

И на елку смотрит.

«Интересно, что он там увидел! — подумал Волк. — Дай-ка и я погляжу».

И он поднял глаза на елку.

Сколько елок видел он на своем веку, но такой ему видеть не приходилось.

Она вся искрилась снежинками, переливалась лунным светом, и казалась,

что ее специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной елочной игрушки.

И лапы у нее были мягкие, совсем не колючие.

Бывает же на свете такое чудо!

Посмотришь — и чувствуешь, как у тебя внутри

что-то преворачивается — не в желудке, нет, а повыше.

— Елки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом.

Он склонил голову набок — Заяц и его одно опустил.

И глаза скосил — тоже по-заячьи.

Так и сидели они рядком — Заяц и Волк — под новогодней елкой, которая вся светилась и переливалась, как будто

ее специально убрали к празднику. Они сидели, и оба смотрели на нее, и внутри у обоих

что-то преворачивалось.

И Заяц впервые подумал, что есть на свете кое-что поспильнее волков, а Волк подумал, что, елки-палки, честно говоря, ведь не в зайцах счастье...

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

